

Анна Бабяшкина

Пусто: пусто

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3937405

Аннотация

Не существует сколько-либо разумных оснований любить этих ужасных, думающих только о футболе, сексе, деньгах и собственном комфорте (подразумевается достаточное количество еды, алкоголя и туалетов под рукой) эгоистов под названием "мужчины".

Но нам, женщинам, все-таки удастся найти среди этого бесконечного мужского однообразия свою единственную, неповторимую и любимую "вторую половину". И как мы только умудряемся рассмотреть принца на белом коне под личиной рядового горожанина с пивным животиком на подержанной иномарке?

И станет ли двоим легче найти общий язык, если они с самого начала будут знать, что они половинки одного целого? Если, например, Небесная канцелярия выдаст на этот счет четкие и однозначные инструкции?

Об этом – нереальный детективный роман "Пусто: пусто".

Анна Бабяшкина

Пусто: пусто

Нереальный детективный роман

Еще пару месяцев назад Люся Можаяева была уверена, что рано или поздно выйдет замуж. Например, встретит свою судьбу где-нибудь за столиком в кафе. Или на работе в небольшом туристическом агентстве «Попутный ветер», где она продавала бледнолицым москвичам солнечные пляжи Египта и Турции. Ведь может же там вдруг появиться какой-нибудь новенький ужасно очаровательный сослуживец, который влюбится в нее со второго взгляда и сделает предложение? Но с тех самых пор, как случилось Это, Люсю одолевает глубокая тревога за свое будущее.

Нет, Люсенька не стала инвалидом, не потеряла разум и даже не растолстела до 60-го размера. Она вообще никак особо не изменилась (если не считать душевной эволюции) и по-прежнему оставалась вполне привлекательной особью для противоположного пола: милой крашеной блондинкой (48-й размер одежды, рост 170 см, без в/п, материально обеспечена), к тому же весьма пропорционально сложенной. И если бы она все еще жила в том чудесном мире, в котором встретила свое 25-летие, то по-прежнему ждала бы Принца, будучи уверена в своих неоспоримых достоинствах. Обычно она насчитывала у себя их (достоинств) как минимум три. Во-первых, ей досталась ножка всего-навсего 36-го размера. Иногда, в порыве кокетства, она даже покупала себе обувь в «Детском мире». Во-вторых, Люсенька умела съедобно готовить. В-третьих, г-жа Можаяева находила себя ужасно толерантной.

– В сущности, мужчина готов влюбиться в любую мало-мальски симпатичную женщину, если она не станет запрещать ему курить, смотреть футбол, играть в компьютерные игры и пить пиво с товарищами. Я готова проявить такое понимание по отношению к объекту своей страсти, – пересказывала Люсенька подругам основные постулаты учения о том, как приручить мужчину, за чашкой зеленого чая в модной кофейне. При этом ножка ее старательно играла туфелькой 36-го размера, а глазки стреляли по сторонам в поисках того самого объекта, по отношению к которому можно было бы применить эту весьма жизнеспособную теорию.

Стоит заметить, что учение это вытекло из одной фразы-рецепта личного счастья Лили Брик, легендарной любовницы не менее легендарного Владимира Маяковского. «Надо внушить мужчине, – учила Брик, – что он замечательный или даже гениальный, а другие этого не понимают. И разрешить ему то, что не разрешают дома. Ну а остальное сделают хорошая обувь и шелковое белье».

Впрочем, теория эта была уже однажды проверена Люсей. Она как-то раз жила гражданским браком «с одним очень достойным мужчиной». К несчастью, мужчина этот не понял своего счастья.

«Достойного мужчину» звали Алексей Соловьев. Добродушный толстяк нестоличного происхождения и владелец одного из столичных рекламных агентств мелкого калибра полюбил Люсю, скорее всего, за кулинарный талант. Но он предпочитал уверять, что ценит ее «утонченность и изысканность». А она, скорее всего, полюбила его за любовь к себе.

То недолгое время, что они провели на одной жилплощади, действительно можно было бы назвать «жизнью душа в душу». Люся в очаровательных кружевных фартучках мастерилла «шарлотку» и «селедку под шубой», выдумывая им игривые новые названия (наподобие «услуга рыцаря» и «завтрак викинга»). К возвращению Соловьева Люсенька накрывала в кухне, которую она именовала не иначе как «столовая», белоснежную скатерть, ставила свечки, раскладывала ножи и вилки и садилась ждать. Соловьев шумно восхищался серви-

ровкой, хватал тарелку и мчался вместе с нею в соседнюю комнату – есть он предпочитал, лежа на диване перед телевизором. А Люсенька задувала свечу и ела какой-нибудь очередной «желтоокий взор африканской кошки» (то бишь яичницу из двух яиц) в гордом одиночестве.

Естественно, Соловьеву разрешалось курить во всех комнатах, смотреть футбол на полную громкость и пить пиво с товарищами (к счастью, он не был фанатом компьютерных игр). И Соловьеву эта вседозволенность очень импонировала. Счастье казалось таким крепким, что Люся даже чуть было не заскучала и не уверовала в свою женскую гениальность и простоту мужских натур. Буря, представьте себе, нагрязнула совершенно неожиданно.

В пятницу, как это часто бывало, Соловьев позвонил ей часиков в восемь вечера домой и сообщил, что придет сегодня поздно – он собрался «с мужиками пива попить». Люся ничуть не удивилась: по пятницам Лешенька очень часто пил пиво с друзьями. Иногда эти дружеские посиделки продолжались до глубокой ночи. Тогда Соловьев бросал свою любимую «ауди» у какого-нибудь питейного заведения и отправлялся домой на такси. Словом, Люся отнеслась к его известию как к сводке погоды или задачке, начинающейся словами «предлагаемые обстоятельства».

– Хорошо, дорогой! Только помни, что твоя маленькая киска очень ждет тебя дома, – промурлыкала Люся. – Я приготовила тебе что-то вкусненькое, и скоро будут показывать матч ЦСКА – «Шинник» по телевизору. Тебе записать игру?

– Спасибо, мой муреночек, – ответил бас Соловьева. – Какая же ты все-таки у меня хорошая. А то Васька вон своей даже звонить боится – говорит, эта мегера сразу в трубку начнет орать, чтобы кончал жрать водку и шел домой. А ты у меня – самая мудрая и понимающая женщина в мире. Я люблю тебя!

Счастливая и довольная собою Люся положила трубку и уселась смотреть сериал. Потом показали «О, счастличик!», потом вечерний выпуск новостей. Потом все каналы как будто сговорились и начали транслировать какие-то дурацкие боевики. Люсенька выключила телевизор и залегла в кровать с любовным романом. И вот, в самый волнующий момент, когда некий Том уже начал ласкать под платьем упругую грудь некоей Мэри, у Люси навернулись на глаза слезы счастья, она порывисто прижала книжку к груди, и взгляд ее мечтательно вознесся к потолку. Когда неожиданная волна саспенса отхлынула, Люся мельком взглянула на часы. Они показывали уже час ночи! О боже! А Соловьева все еще нет дома! «Надо бы ему позвонить, – подумала Люся. – Вдруг с ним что-нибудь случилось?»

Она уже схватила телефонную трубку, как неожиданно мудрая мысль остановила ее порыв. А что если он решит, что она его контролирует? Что она ему не доверяет? Нет, надо как-нибудь хитро так позвонить, чтобы и удостовериться, что он жив, но и не намекать ему на то, что ему пора быть дома. Люся провела в глубоких раздумьях четверть часа и наконец набрала номер мобильного своего гражданского супруга.

– Але! – пробасил он с весьма нетрезвыми интонациями.

– Это я, твоя Пенелопа! – обрадовалась она в трубку тому, что застала его живым и, кажется, даже сытым-пьяным, и затараторила: – Лешенька, я тут слово в кроссворде не могу отгадать. Подскажи мне, пожалуйста, как называется футбольная команда высшей лиги из девяти букв, первая «Л».

– Ну «Локомотив», – озадаченно ответил Соловьев.

– Пасибя, Лешечка, ты у меня такой умный! – Люся уже собралась было положить трубку, довольная, как ей казалось, удачно найденным решением проблемы, но Леха вдруг пробасил в трубку:

– Люська, ну ты чего хотела-то на самом деле? Чего ты звонила-то?

Ошарашенная столь грубым обращением Люся сначала помолчала, но потом списала сей жаргон на действие винных паров и решила очередной раз проявить толерантность.

– Лешенька, я просто испугалась, что с тобой что-нибудь случилось, вот и решила позвонить – узнать, что с тобой все в порядке.

– А я думал, ты сейчас начнешь звать меня домой и грозить разводом, – сказал он каким-то странным (должно быть, они уже очень много выпили) голосом. Так что Люсеньке даже почудилось что-то сердитое в голосе Леша.

– Конечно, я скучаю по тебе, мой котик, и было бы чудесно, если б ты был рядом. Но если ты еще хочешь посидеть с ребятами, то, конечно, я пойму тебя. Никто не вправе лишать человека удовольствий, даже собственная жена, – поспешила она его успокоить.

Слегка встревоженная г-жа Можаяева снова улеглась в кровать с женским романом в руках, да так и заснула. Проснулась она, как это обычно и бывает по субботам, очень поздно – в половине одиннадцатого утра. Алешеньки все еще не было дома. Забыв о всяческих приличиях и тонкостях межполовых взаимоотношений, Люся бросилась звонить мужу на мобильник. Но трубку никто не брал. Люся, презрев приличия, начала рыться в бумагах мужа в поисках записной книжки с телефонами его друзей. И тут раздался звонок в дверь.

Да. Это был он. Соловьев. Представьте себе, почти трезвый. Люся попыталась броситься ему на шею, но он молча отодвинул ее со своего пути. Мрачно шагнув через порог, он направился к антресолям и стал что-то оттуда доставать.

– Должно быть, тебе стыдно за свое ночное поведение? – деликатно начала Люся. – Не беспокойся, я не в претензии. Ты имеешь полное право проводить время... – Люся не успела закончить спич, поскольку зазвонил телефон, и она бросилась в комнату, чтобы поднять трубку.

Звонили из клуба «Табула Раса». Г-н Соловьев, гуляя там под утро, оставил в заведении свои мобильник, документы и ключи от автомобиля.

Когда Люсенька вернулась в прихожую, там уже красовался огромный дорожный чемодан.

– Ты куда-то уезжаешь? – робко поинтересовалась несостоявшаяся г-жа Соловьева у суженого, лихорадочно пытаясь сообразить, как вести себя в такой ситуации, дабы не выглядеть собственницей и истеричкой.

– Нет, это ты уезжаешь, – был ей ответ. И тут Лешу прорвало: – Ты сегодня же уезжаешь из моего дома! Я не хочу жить с тобой. Тебе на меня наплевать! Ты даже не сходишь с ума, когда меня в полшестого утра нет дома! Тебе даже в голову не приходит вытаскивать меня из пьяных компаний! – негодовал Соловьев. – У всех мужиков жены как жены – звонят, беспокоятся. За Васькой его Машка так вообще через всю Москву сама прискакала и волоком уволокла домой – любит ведь засранца. Мишкина Юлька каждые полчаса ему звонит и дает в трубку послушать, как она тарелки от злости бьет. Витькина Танька в форточку обручальное кольцо выбросила. А моей – хоть бы что! Дрыхнет себе как суслик. Тебе и без меня хорошо!

Наверное, в этот момент Люсеньке надо было разрыдаться, броситься Леше на шею и закричать:

– Мне без тебя плохо! Я без тебя не могу! Я всю ночь не спала, я все морги обзвонила!

А потом надо было бы отпрянуть, схватить какую-нибудь тряпку (погрязнее) и начать бегать за ним по квартире с грозными воплями:

– Ты у меня еще пошляешься! Ты у меня еще попьешь пива с друзьями! И никакого футбола по телевизору на месяц!

Но Люся повела себя как дура. Или как Лиля Брик. Кто знает, что происходило в этот момент в ее хорошенькой блондинистой головке? Только Люсенька, кротко и скупно заплакав, начала укладывать вещи, лопоча себе под нос что-то из Лермонтова. Кажется, про то, что некому руку подать.

Свои крохотные туфельки и ботиночки она уложила в чемодан последними. Может быть, она решила, что если реветь из-за каждого придурка, по пьянке забывающего доку-

менты в ночном клубе, то и слез никаких не хватит? А может быть, она боялась, что станет страшно некрасивой, если по ее щекам начнет стекать не смытая со вчерашнего вечера тушь, смешанная с горючими слезами? А может быть, она надеялась, что Соловьев не выдержит этого душераздирающего зрелища – бледная и тихая Люся у огромного чемодана, в котором один за другим исчезают ее милые изысканные предметы туалета? Но Соловьев выдержал. И даже помог стащить чемодан по лестнице к предусмотрительно вызванному им такси.

Напоследок он сказал как отрезал:

– Я так и знал, что тебе на меня наплевать. Сухарь. Ты даже не разревелась по-настоящему.

И захлопнул дверь автомобиля.

И тут уже Люся разревелась по-настоящему. Но было поздно.

Так красивая теория, созданная гениальной любовницей Маяковского и развитая ее талантливой последовательницей Люсей Можяевой, не выдержала испытания практикой. И кого в том винить? Люся предпочитала думать, что все дело в плебейском происхождении Соловьева, с молоком матери впитавшего сомнительную истину: «Бьет – значит любит». Но Люсенька бить никого не собиралась, а продолжала ждать Принца. И она бы его дождалась, если бы не ужасное воскресное утро, перевернувшее всю ее, да и не только ее, жизнь.

* * *

Люсенька часто вспоминала серый сентябрьский вечер, предшествовавший Этому невероятному событию. Казалось, сама погода предвещала беду. Дул сильный ветер, так что береза под окном стелилась почти до земли. Все небо оккупировала колония темных облаков цвета застиранных черничных пятен. Герань на книжной полке ежилась от холода – отопление еще не дали. «Рановато осень начинается», – подумала Люся, доставая из гардероба свою любимую курточку синего кашемира.

Почти всю вторую половину субботнего дня г-жа Можяева просидела в ОГИ, выпила, кажется, тонну кофе и набрала себе читыва на месяц вперед. Потом под выворачиваемым наизнанку порывами ветра зонтом добежала до своей красной «девятки» и помчалась домой.

Наконец она соорудила на журнальном столике перед постелью живописный натюр-морт из чая с медом, лимона, бутербродов с колбасой и стопки свежкупленных книг. Вот теперь можно уютно устроиться и не вылезать из-под одеяла хоть до завтра. Что она и сделала. Читать Люсенька начала с толстенной книжечки, озаглавленной «Мифы и предания народов мира». Многие из этих притч она знала с детства, но от того они не становились менее интересными. Даже больше: теперь, читая их взрослой, она как будто бы возвращалась в милое детство, когда она вот так же лежала (только с температурой) на постели, пила чай и листала книжки. Правда, тогда ощущение счастья казалось острее: и потому что не надо было идти в школу (радость-то какая!), и потому что время от времени подходила мама, заботливо трогала лоб рукой и говорила:

– Тебе бы поспать, деточка!

– Ну еще одну страничку, пожалуйста!

– Ну хорошо! Только выпей таблеточку. – И мама целовала дочку в лобик.

И Люся с готовностью глотала таблетку – в сущности, это была очень низкая плата за право не тащиться на уроки, а весь день проводить в других, невероятных мирах, созданных фантазией Астрид Линдгрэн, Андерсена, Зои Воскресенской и Александра Дюма.

Теперь Люсенька жила одна, и по-матерински заботиться о ней было некому, кроме себя самой. Родители, выйдя на пенсию (г-жа Можяева была поздним и единственным их ребенком), переехали на дачу, оставив в полное распоряжение дочери двухкомнатную «хру-

щобу» у метро «Перово». В городе мать и отец появлялись редко, перед большими праздниками, чтобы сделать «столичные» покупки, посмотреть на иллюминацию и снова уехать к себе в тихий деревянный домик во Владимирской области.

Среди прочитанных Люсей накануне Этого ужасного воскресного утра историй был один миф, чтение которого она в последствии посчитала пророческим.

– Меня как будто небо предупреждало о том, что случится! – трагическим голосом уверяла она потом одну из подруг. – Я даже почему-то два раза его перечитала. Только тогда я, конечно, совсем не правильно его поняла.

Это был миф, рассказанный в «Пире» Платона. О том, что когда-то люди были трехполыми, четырехрукими, четырехногими и двуликими. Ну, то есть каждый тогдашний человек состоял как бы из двух сегодняшних людей, сросшихся животами, и с лицами, обращенными к спине. Гениталии также со стороны спины располагались. Соответственно, наблюдались полностью женские существа (ЖЖ), полностью мужские (ММ) и андрогины, соединяющие в себе мужское и женское начала (МЖ). Конечно, от такого физического устройства у них возникали определенные проблемы при ходьбе. Двигаться они могли либо туда, куда одна из половин прикажет, либо «колесом», наподобие нынешних циркачей и гимнастов. И были эти двулюди такими сильными, что сам Зевс начал бояться, что они доберутся до его Олимпа и сотворят над ним что-нибудь нехорошее. К тому же рабочей силы разросшемуся семейству древних богов стало не хватать – ведь эти двойственные люди должны были доставлять бессмертным жертвоприношения. Словом, боги поднапряглись и придумали, как решить обе проблемы разом: взять и поделить каждого человека на две части. Вот вам и удвоение трудовых резервов, и ослабление противника.

Сказано – сделано. Начали делить. Кого-то молнией почикали, а других резать по живому пришлось. Аполлон тут же раны залечивал, то бишь кожу с краев к животу стягивал и в пупок завязывал. Ну и лица к пупку со спины разворачивал – чтобы, значит, смотрели смертные на свои уродства и помнили, кто на земле хозяин.

Но неувязочка вышла. Хоть и боги за работу взялись, но и они всего предусмотреть не могут. Разъединенные половинки тут же бросались в объятия друг другу, соединялись пупками и так и сидели обнявшись, страстно желая срастись. А по отдельности ничего делать не хотели, даже есть и пить. Не говоря уже о жертвоприношениях.

Так и умирали они от голода и бездействия, плача друг у друга на груди. Тогда начинающий селекционер Зевс разработал новый план: он придумал пересадить не только лицо, но и половые органы своих подопытных на сторону живота. И это сработало.

Во-первых, в результате этой несложной операции после тесных объятий М и Ж люди стали размножаться. И даже если обнимались М и М или Ж и Ж, то они получали удовлетворение от соития, после чего были способны передохнуть, съесть что-нибудь и принести жертву богам.

«Вот с каких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половинки, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу», – заканчивалось повествование.

Люсенька вздохнула и задумалась. Что-то в этом мифе показалось ей неправильным, по крайней мере, не таким, как помнилось с детства. Ну конечно! Может быть, из-за того что она читала тогда детский вариант легенды, а может быть, из-за того что книжка та была советская, не было в ней никаких трех полов! Не говорилось там ни о каких ММ и ЖЖ! Там были только МЖ, разделенные всемогущим Зевсом на мужчин и женщин и призванные теперь вечно искать друг друга по свету и радоваться встрече. Да! Этот же миф Люся читала где-то совсем недавно. Где же? Ах да, в книжке Пабло Коэльо «Одиннадцать минут». И там тоже не было никаких ЖЖ и ММ, а только нормальные МЖ. А Коэльо знает, что

пишет, – небось не по советским учебникам учился. Какой ужас! Что за дурацкое издание ей подсунили? Если ему верить, то все эти ужасные гомосексуалисты и лесбиянки – не подлые извращенцы и саботажники размножения, а такие же несчастные и тоскующие по идеальной любви половинки? Бред, бред, бред... Как такое безобразие можно печатать в книжках? Противная и лживая притча. Если бы люди и правда искали свою одну-единственную половинку, а не женились на первом же более-менее подходящем экземпляре, то человечество давно бы вымерло! Попробуй тут найди среди шести миллиардов людей одного-единственного своего! Словом, надо эту глупую басню забыть. Люся так расстроилась, что даже дала себе зарок никогда не употреблять по отношению к своему будущему мужу (ведь должен же он когда-нибудь появиться) выражение «моя вторая половинка». С этими мыслями она и провалилась в сон. Сон приснился дурацкий.

* * *

Люсенька как будто скатилась по войлочной трубе в низко гудящую темноту. Вокруг слышались шорохи и сопение. Постепенно где-то над головой начали зажигаться маленькие лампочки, и стало ясно, что это самолет. Шторки на всех окнах почему-то были опущены. Люся принялась разглядывать попутчиков и с удивлением обнаружила, что многие из них одеты в ночную одежду: пижамы, ночнушки, а некоторые вообще летели в одних трусах или даже голыми и совершенно этого не стеснялись. Тут г-жа Можяева взглянула на себя и поняла, что она тоже зябко кутается во фланелевую рубашку для сна.

– Очень уютное место, чтобы наконец уснуть по-настоящему, – поделилась Люсенька соображениями с соседкой – бледной женщиной лет сорока. – Надеюсь, что лететь нам еще долго.

Женщина только кивнула в ответ. Люся откинула спинку кресла и попыталась поудобнее устроиться. Как только ей это удалось, шум потихоньку стал угасать, а мерные вибрации сменились спокойным раскачиванием с угасающей амплитудой. Как будто Люсенька каталась на качелях, и теперь они плавно останавливались.

Пространство вокруг наполнилось встревоженными голосами и ветром. Люся открыла глаза и увидела, что запасные выходы самолета открыты, и через них в салон врывались тот самый ветер, что разбудил ее, и яркий солнечный свет. Пассажиры толпились у выхода. Г-жа Можяева решила не отрываться от коллектива и проследовать за всеми. Люди безбоязненно садились в оранжевый желоб наподобие тех, по которым катаются в аквапарке, и скользили вниз. Что там происходило дальше, Люсенька не смогла рассмотреть из-за плотного тумана, тут же окутывавшего спустившихся по самую грудь. Туман был настолько густым, что оказалось невозможно понять, где приземлился самолет? В каком-нибудь глухом месте или на аэродроме?

Наконец настала очередь Люси. Она села в оранжевый желоб и стремительно понеслась вниз. После сумрака самолета солнечный свет ослеплял так, что даже пришлось зажмуриться. Горка становилась все более пологой, и движение в конце концов прекратилось. Люся встала на ноги и пошла. Почва под ногами насторожила ее: она как будто бы шла по пересохшему болоту или батуту – земля пружинила. Казалось, что если подпрыгнуть, то тут же взлетишь высоко-высоко. Люся на всякий случай несильно прыгнула. И действительно взлетела над туманом. Взору ее открылся невероятно белоснежный самолет, как будто утопающий в вате. Яркий оранжевый трап, по которому все еще скользили люди, и безумно яркое небо. Над головой не пролетало ни одного облачка, а солнце палило, как в июльском Каире.

Люся плюхнулась обратно в пружинистый пух и снова взлетела. На этот раз она заметила, что рядом точно так же, как поплавки, взлетают и падают люди. А невдалеке, метрах

в трехстах от Люсеньки, виднелся неподвижный человек, паривший над туманом в полный рост и никуда не падавший. Он призывно махал народу руками, и многие весело прыгали по направлению к нему.

Людей было невероятно много – Люсенька еще подумала, что столько она не видела даже на Красной площади в Новый год. Их было в разы, в десятки, в сотни раз больше. Г-жа Можяева запомнила направление и тоже направила свои прыжки к загадочному типу в белом.

Остановилась она метрах в тридцати от него. Он по-прежнему парил над туманом, и лишь ступни его скрывались в молочной пелене. Светлые волосы мужчины путались в лавровом венке. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Роста загадочный незнакомец был весьма среднего. Впрочем, что-то в его облике показалось Люсе очень знакомым. Скорее всего, он был похож на какого-то большого начальника. Только вот какого? Когда толпа наконец успокоилась и перестала метаться вверх-вниз, неподвижный человек знаком попросил тишины. И тишина воцарилась.

– Добрый день! Я рад приветствовать вас всех здесь! – начал свою речь человек в венке. В его сухоовато-динамичной и какой-то бесцветной манере говорить Люсеньке тоже послышалось что-то очень знакомое. Но она опять так и не смогла вспомнить, где же они раньше встречались. Говорил он без видимого напряжения. И даже весьма тихо, но его было отлично слышно. Как будто бы он беседовал тет-а-тет с каждым из присутствующих. – Думаю, мы можем обойтись без долгих предисловий. Буду говорить кратко и по делу. Думаю, представляться мне не надо. Полагаю, вы все прекрасно понимаете, кто я.

В толпе пронесся тихий рокот. Оратор очаровательно застенчиво улыбнулся и совсем по-мальчишески крикнул, перекрывая людской гомон:

– Да-да, вы мыслите в правильном направлении!

Людской гомон еще более усилился.

– Да! И мы действительно сейчас находимся на облаке! Думаю, этот вопрос тоже многих интересует, – с усилием и звонко произнес оратор.

Люди принялись жадно топтать ногами и щупать туман руками. Щипать себя за ляжки и кусать за руки.

По-прежнему улыбающийся оратор дождался тишины. Как только она воцарилась, он тут же убрал добродушное выражение с лица, заменив его маской деловитой озабоченности.

– Думаю, с предисловием можно покончить. Мы собрались здесь сегодня потому, что у нас накопилось серьезное количество проблем, которые требуют немедленного конструктивного решения. Мне часто поступают жалобы с мест, особенно от женского населения, что стало очень трудно устроить личную жизнь. Люди тратят массу времени на то, чтобы найти себе мужа или жену. Эти хаотичные поиски отвлекают их от созидательной деятельности, а подчас приводят и к весьма печальным последствиям: разочарованиям, венерическим болезням, ссорам с близкими и другое. – Оратор сделал паузу, перевел дыхание и продолжил, сосредоточенно вглядываясь вдаль, как будто бы там располагался гигантский телесуфлер: – Несмотря на то, что в наши дни человек тратит на поиски партнера для деторождения 10–15, а то и больше, лет, люди все равно часто ошибаются. Очень велик процент разводов. Мне тут представили статистические данные, и они очень тревожные, особенно по рождаемости. А ведь плодиться и размножаться – это одна из основных задач, стоящих перед человечеством, – произнеся эту фразу, оратор нахмурился. – Специалисты из Небесной канцелярии разработали, на мой взгляд, очень хороший вариант решения проблемы. Я бы даже сказал, что им удалось разобраться в истоках сложившегося бедственного положения. Основная причина личного неблагополучия многих и многих людей – в их неспособности самостоятельно сделать правильный выбор партнера. Проблема в том, что Небесная

канцелярия не оказывает человеку никакой направляющей помощи на этом пути, а лишь благословляет уже образованные самими людьми союзы.

Рыжий мужик с прыщом на лбу, стоявший справа от Люси, заразительно зевнул и ткнул ее локтем в бок:

– Я сейчас усну в квадрате. Причем так, как я даже на комсомольских собраниях не спал.

Люся только укоризненно посмотрела на придурка, и взгляд ее снова устремился к оратору. И ей показалось, что сам оратор тоже посмотрел на прыщавого мужика с легким укором.

– Мы рассмотрели все варианты и изыскали возможность помочь каждому человеку оптимизировать процесс поиска брачной пары. Имеющаяся у нас информация о каждом из ныне живущих позволяет с высокой долей вероятности прогнозировать, кто является для него идеальным партнером. Мы предполагаем, что, если предоставить самому человеку указанную информацию, это во многом поможет упростить проблему выбора и сократить процедуру по времени. Люди перестанут тратить время на долгосрочные тестовые процессы, так называемые «пробные» браки и заведомо неперспективные отношения.

Толпа изумленно загудела. Оратор властным жестом руки потребовал тишины и, не делая пауз, продолжил речь:

– Конечно, мы могли бы ввести эту новую систему межполовых отношений простым решением сверху. Но, как известно, человек был создан как существо свободной воли. Он наделен правом самому определять свой путь и свои поступки и необходимостью самому же нести страдание и ответственность за неверные шаги. Потому мы и собрались сегодня здесь. Каждый из вас должен сам решить, принимать ли ему выбор, который сделаем за него мы, или метаться по земле в поисках второй половины. Сейчас мы приступим к голосованию. Те, кто согласен принять от нас решение личного вопроса, пусть поднимут правую руку. И на запястье их ляжет особый знак, по которому узнают они свою пару. Те же, кто счастлив в своем неведении, пусть не поднимают руки.

Оратор замолчал, испытующе посмотрел на людей и начал рыться левой рукой в складках своей белоснежной тоги. Толпа сосредоточенно безмолвствовала и взирала на него.

– Думаю, двенадцати секунд будет вполне достаточно для принятия такого простого решения. Тем более что правильный выбор для многих, я думаю, очевиден, – нарушил оратор молчание и вытащил наконец из складок своего одеяния весьма внушительные песочные часы.

Люсенька даже удивилась тому, как огромные эти часы могли незаметно скрываться в кармане.

А оратор в это время уже поставил часы на ладонь, и песок стремительно побежал в нижнюю чашку.

– Господи, что же мне выбрать? – лихорадочно думала Люся. – Господи, подскажи, что мне выбрать? Направь меня на путь истинный, посоветуй! Оно мне надо? Ну наляпают что-то на руку – и ищи потом всю жизнь того, не знаю кого? Но ведь мы все-таки на небе, здесь плохого не посоветуют?

Последние песчинки уже стекали вниз.

– Ну, прошу голосовать, – громко и ласково предложил оратор, приятно улыбаясь, аж до ямочек на щеках. – Прошу поднять руки в знак согласия получить особый знак, который поможет вам узнать свою вторую половину.

И повсюду над туманом стали подниматься руки. Первые вылезали из облачной ваты медленно и осторожно и были преимущественно женскими. А потом руки стали взлетать вверх решительно, как флаги боковых судей у кромки футбольного поля. Люся оцепенела, завороченная этим зрелищем. Пальцы ее плотно впились в подол фланелевой рубашки и

решительно не хотели разжиматься. От моря человеческих рук исходило легкое свечение. Светились запястья. Даже прыщавый тип, который объявлял себя всего минут пять назад соней в квадрате, сейчас с героическим и совершенно бодрым лицом наблюдал за своей светящейся дланью.

– Итак, прошу заканчивать. Еще буквально пара секунд – и все отправляются домой, навстречу новой жизни, – объявил оратор.

И тут же взметнулись еще сотни рук колебавшихся и в последнюю минуту решившихся получить знак.

Свечение над облаком стало постепенно убывать.

– Можно опустить руки, – разрешил оратор.

Люди с ужасом и интересом принялись рассматривать себя.

И тут на Люсю нахлынула невероятная, вселенская тоска, как будто бы она осталась в мире одна-одинешенька. Она боялась взглянуть на свою руку и увидеть там свидетельство того, что она теперь навсегда будет ничья, обнаружить там ужасающую пустоту, подобную той, в которую она отныне погрузится. И вдруг правая рука ее заняла, как будто что-то давило и кололо ей запястье. В радостном изумлении Люся наконец разжала пальцы. «Неужели?» – мелькнула в мозгу невероятная мысль, а глаза устремились туда, где должна была быть рука. Но она не видела ее! Все скрывал густой туман, который с каждой минутой становился все тяжелее и приобретал мрачный свинцовый оттенок. Вокруг сгушалась тьма, пожирая собою остатки солнечного света. Люся тонула в невероятно густом, темном и холодном дыму без запаха.

В панике она принялась ощупывать руку, которая болела все сильнее. На запястье явственно ощущался какой-то шрам. Люся гладила его, пытаясь определить, какой он формы, и тут по тыльной стороне ладони скользнуло что-то шелковистое и прохладное. Сердце г-жи Можяевой чуть не выпрыгнуло из груди, она в ужасе отпрянула, выпучив глаза, и... обнаружила себя лежащей на животе в своей собственной кровати. Руку ее украшала розово-малиновая бороздка.

Как выяснилось, Люся заснула с книжкой на подушке. Во сне крепко обхватила ее и в результате получила то самое «клеймо», что причинило ей столько страдания в царстве Морфея.

* * *

Хоть на календаре и значилось воскресенье, сладкое безделье Люсе сегодня не грозило. Ее подружка с университетских времен Наташка Рыжова, работающая переводчицей в конторе с неоригинальным названием «Взаимопонимание», где когда-то работала и Люся, подкинула приработок. Г-же Можяевой сегодня предстояло за две тысячи «деревянных» переложить какой-то голливудский фильм с языка Шекспира на язык Ленина. Люся, закончившая филфак МГУ, никогда не отказывалась от таких «сверхурочных» работ. Во-первых, деньги никогда не бывают лишними: на основной работе у Люси выходило не так уж много – 400–600 долларов в зависимости от сезона. А во-вторых, г-жа Можяева очень гордилась знанием двух иностранных языков: английского и французского – и очень старалась иметь побольше языковой практики.

Для начала надо было посмотреть кино на языке оригинала. Люся порылась в пакете, с пятницы валявшемся у двери, и вытащила из него очередной шедевр Голливуда. Она воткнула кассету в видеомагнитофон, быстренько состряпала себе в микроволновке тарелочку попкорна, налила огромный стакан «кока-колы» и с удобством расположилась у телевизора в аморфном кресле «груша» ярко-красного цвета. Боевик, в сущности весьма занудный, с одним «хорошим парнем» и десятком «плохих», не вызвал никаких затруднений при

перевод. К счастью для Люси, в последнее время большинство голливудских фильмов категорий «В» и «С» писались как будто из одних и тех же фраз, составленных в разном порядке.

Трудовой порыв г-жи Можяевой прервал телефонный звонок. Автоответчик высветил номер Наташки. Люся потянулась к стоящему под кроватью аппарату, не вставая с кресла. И, что неудивительно, опрокинула тарелку с лучшим другом киномана – попкорном.

– Привет! – сразу же затараторила Ната. – Представляешь, мы с Валеркой оказались идеальной парой!

– Да ты что? С тем самым Валеркой, с которым мы познакомились две недели назад в «Каро-фильм»? Ты с ним уже закрутила роман?! Ну ты шустр, Наташка, мне бы твою прыть, – обрадовалась за подругу г-жа Можяева.

– Ну да, с тем самым! Но сейчас речь не о нем, а о том, что мы – идеальная пара!

– И кто тебе это сказал? – не сильно удивилась Люся, отряхивая с себя маслянистые крошки и пытаясь ногой сгрести остатки завтрака в одну кучку. – Он сам или какой-нибудь очередной тест из «Космополитен»?

– О! Да ты, похоже, ничего не знаешь? – прямо-таки взвыла Наташка. – Ну, тогда ты уникальная тетка. Неужели тебе сегодня ночью не снился сон про облако и про знаки на руке?

– Ну, кажется, снился, – напряглась Люся и взглянула на свое запястье. – Тебе тоже такой приснился?

– Люська! Ты что, по телевизору только свои дурацкие боевики смотришь? – заверещала г-жа Рыжова. – Новости надо смотреть!

– Между прочим, это ТВОИ дурацкие боевики, – слегка обиделась Люся.

– Да ладно, сейчас не об этом! Этот сон всем, понимаешь, абсолютно всем приснился. И он – абсолютная правда. У тебя вот что, например, на запястье нарисовалось?

– Ну... – Люся замешкалась с ответом, потому что просто не знала что сказать. Она почувствовала себя нехорошо: голова закружилась, а руки вдруг ослабели так, что она чуть не выронила телефонную трубку.

– Понимаю, это сложно описать, – рассмеялась Наташка, очевидно очень довольная тем, что именно она первой сообщила подруге сногшибательную новость. – Я вот тоже не могу четко определиться, что мне такое намалевали. Такие три палочки по вертикали. И точки такие среди них, в странном таком порядке, по телефону не объяснишь.

– И твой знак совпал со знаком Валеры? – догадалась Люся.

– Именно, – радостно подтвердила подруга. – Выходит, что мы идеальная пара.

– Здорово. Я вам прямо завидую, – без особого энтузиазма пробормотала в трубку г-жа Можяева. – Наташ, можно я тебе чуть-чуть попозже перезвоню, а то я себя не очень что-то чувствую?

– Ладно. Звони. И надо бы нам обязательно встретиться, поболтать.

Люся положила телефонную трубку. На ватных ногах она подошла к окну и выглянула на улицу. Кажется, там ничего не изменилось. По крайней мере, с высоты своего 5-го этажа Люся не обнаруживала абсолютно никаких изменений. Детишки и собачки копались в песочнице. Их мамы и хозяева что-то, как всегда, оживленно обсуждали. Подростки, сидя в детском саду на лавочках, пили пиво. В конце концов, чего же она так испугалась? Бояться здесь совершенно нечего. Да, жизнь время от времени меняется. Наши предки переживали и не такое: пережили и первую мировую, и революцию, и вторую мировую, и голод перестройки выдюжили. По сравнению с теми ужасами, случившееся сегодня ночью – очень даже приятное событие. И нервничать тут совершенно не из-за чего!

Люся включила телевизор и посмотрела новости. О невероятном ночном происшествии говорили много, преимущественно с радостными интонациями. Показывали многочисленные супружеские пары, которые накануне получили высочайшее подтверждение пра-

вильности своего выбора. Однако корреспондентам удалось раскопать, что знаки получили не все. Не помеченными, в основном, остались люди, которым и не светит свадьба, – монахи, гомосексуалисты, тяжелые больные. Многие из них пытались получить знак, но волшебный свет не оставил на них никакого отпечатка.

Люся успокоилась, выключила телевизор.

«Может, я тоже, как и монахи, не создана для семейных уз? – подумала она. – Ну или, в конце концов, должны же быть и другие такие же чудики, как я, не поднявшие руку? Среди них вполне может скрываться мой будущий муж. Можно сказать, что отсутствие знака – это тоже знак. И небо попросту пометило не подходящие для меня варианты. Как в "О, счастливи-чике" убирают два неверных ответа, и выбрать среди них правильный уже гораздо легче».

Чтобы отвлечься, Люсенька пропылесосила ковер и замыла те места, куда просыпался попкорн.

Весь остаток дня она провела, сосредоточенно подыскивая сочные русские аналоги бесцветным американским словечкам, вроде «фак», «шит» и «мазафакер».

* * *

Г-жа Можаяева долго раздумывала с утра в понедельник, что же одеть на работу. И решила остановиться на серой юбке и иссиня-черной рубашке с длинными рукавами. Ей не очень-то хотелось, чтобы все рассматривали ее руки.

Люся закинула толстый портфель на переднее сиденье «девятки» и вырулила со двора. Конечно, ей было бы приятно, если бы можно было сказать, что она «помчалась на работу». Но, к сожалению, большую часть пути от 2-й Владимирской до Яузской улицы, где и обитала контора «Попутный ветер», г-жа Можаяева стояла в пробке, переключалась с первой на вторую передачу и снова тормозила. Но хорошая погода (по радио сказали, что наконец-то наступило бабье лето) не позволяла настроению испортиться.

Парковка на узенькой и к тому же круто сбегаящей вниз улочке, как всегда, далась Люсе с трудом. Изрядно понервничав, она втиснулась между серебристой «шкодой» и красным «ягуаром». Люся перешла дорогу, оглянулась на свой автомобиль, и тут он, задорно пискнув, мигнул лампочками. Опять Люсенька забыла поставить машину на сигнализацию! Но, к счастью, охранная система «Мангуст», которую ей поставили в автосалоне сразу при покупке, включалась автоматически через 30 секунд после закрытия дверей при выключенном моторе. Люся выругалась про себя и тут же выругалась еще раз: к «ягуару», который так мешал ей спокойно запарковаться, подошла хозяйка. «Эх, если бы подъехать минуты на три попозже!» – вздохнула Люся и поднялась по ступенькам.

В конторе сегодня наблюдался полный аншлаг. С утра пораньше появились все, в том числе и те, кто опаздывал хронически и не приехал бы вовремя даже под угрозой смертной казни. К великому Люсиному изумлению, она не выглядела белой вороной – все как один явились в одеждах с длинными рукавами, благо появившееся солнце было не очень-то горячим. Люсины соседка и напарница по распродаже родин турок и египтян Галина Сергеевна пришла в темно-зеленом шерстяном платье. Генеральный директор и владелица агентства Надежда Петровна Безбородова демонстрировала шелковую блузку поросычьей расцветки, мягкими волнами ниспадающую с ее арбузных грудей на живот, тоже весьма съедобный. Мужчины (а таковых в офисе насчитывалось всего-то двое), конечно, одели рубашки. При чем если Овсиенко, торгующий путевками чешского направления, обрядился в дурацкую рубашку в непонятных серых клеточках, то состоящий при нем стажером сын Безбородовой Митя, напротив, выглядел очень элегантно. Темно-синяя рубашка и желтый галстук отлично сочетались с его черной шевелюрой. Г-н Безбородов, кажется, и сам осознавал свою сегоднешнюю импозантность и призывно посматривал на молоденькую бухгалтершу Леночку

Зайцеву, которая куталась в стильный голубой свитер «косами» с совершенно не подходящим к нему дурацким красным значком в виде сердечка, проколотого стрелой, и делала вид, что совершенно не замечает ни Митю, ни его взглядов.

Г-жа Можаяева облегченно вздохнула и посеменила к своему столику – он стоял в самом глухом углу и находился дальше всех от окна, к тому же рядом с принтером. Все почему-то считали отсутствие окна и наличие принтера под боком большим недостатком этого рабочего места, и никто не хотел туда садиться.

Но Люсе этот уголок сразу понравился, когда она появилась год назад в «Попутном ветре». Недостаток света легко устранялся при помощи настольной лампы. Да и к принтеру сослуживцы ходили не так уж часто, чтобы серьезно помешать работе. Зато в этом медвежьем углу легко спрятаться от посторонних глаз за баррикадой из монитора и папок. К тому же, здесь целых две стены, а значит, можно повесить в два раза больше своих картинок. У Люси над головой красовалась акварель ее любимого художника Льва Бартенева – расплывшийся в невероятно-чеширской улыбке кот с цветком в зубах. Также пространство украшали: шаловливая киска, вылавливающая золотую рыбку из аквариума, настенный календарь с видом зимнего Петербурга, советский плакат со слоганом Маяковского «Дай качествО!», фотокарточка Люси на верблюде у египетских пирамид.

Кроме того, посетители могли лицезреть инсталляцию в рамке под стеклом в виде огромного гвоздя с подписью «Забей на все». Справа от монитора висел еще один, правда, уже тонирующий плакат, распечатанный из интернета и приписываемый также перу Маяковского. (Люся очень любила Маяковского, поскольку его любила любимая ею Лиля Брик.) Плакат гласил: «Волю свою собери в узду. Работай – не охай, не ахай! Выполнил план – посылай всех в п...у, не выполнил – сам иди на х...й!» Когда она, не без душевного трепета, водрузила эту картинку над своим столом, Надежда Петровна поначалу неодобрительно покачала крашеной ярко-рыжей головой и потребовала снять безобразия.

– Люся! Я думала, вы милая и интеллигентная девочка. Что это такое? Это оскорбляет чувства посетителей! – басом а-ля Раневская протрубила Безбородова.

– Но Надежда Петровна! Это же стихи... Их классик написал – поэт Маяковский...

К счастью для Люси, присутствовавший при этой беседе потенциальный путешественник очень развеселился. И даже попросил у Люси распечатать для себя такой же.

– Повешу в отделе продаж! – объяснил он.

Надежда Петровна решила проявить терпимость – раз клиентам нравится, возможно, это действительно стоящая бумажка. Кто ее знает, эту молодежь, может, у нее совсем другие понятия о приличиях. Г-жа Безбородова даже смогла выдать из себя смешок. Картинка осталась висеть.

Люся притаилась в своем углу и внимательно прислушивалась ко всем звукам. Впрочем, сегодняшний звукоряд не отличался особой оригинальностью: как всегда, стучали клавиатуры и слышался шорох бумаг. Звонили телефоны, и Люсенька, Галя, Митя и одышливый толстяк Овсиенко расхваливали невидимым собеседникам египетские отели, турецкие пляжи и чешское пиво.

Леночка, деловито перекладывая бумажки, симулировала бурную деятельность, а сама оплакивала в телефон свою скончавшуюся накануне морскую свинку:

– Нет, Кать, не ходила. Ну я же тебе говорила – я из-за свинки так расстроилась... Ну откуда я могу знать, что там было, если я дома сидела? Я думаю, что если бы у тебя любимая морская свинка умерла, ты бы вообще три дня дома сидела и ревела! Как ты не можешь понять! Ведь ты же знала Щапу! Между прочим, это ты мне ее притащила, когда у твоего папаши обнаружилась аллергия на шерсть!

По всей видимости, слово взяла Леночкина собеседница – г-жа Зайцева замолчала и закивала головой, потом вдруг нервно повела плечиком:

– Ну как куда? Закопала. Упаковала в полиэтиленовый пакет, плотно перевязала, чтобы никакого запаха, уложила в коробку из-под туфель. Катька, я ей даже полотенчику постелила на доньшко, вот. И вечером, когда стемнело, закопала в парке рядом с домом.

Девушка на том конце провода, по всей видимости, имела иное представление о похоронных ритуалах для почивших вечным сном морских свинок, потому что Ленка принялась энергично оправдываться:

– Кать, ну я же не дебил! – Леночка выговаривала «дэбыл». – Я выбрала тихий уголок под деревьями, подальше от тропинок. Там дети совсем не копаются. Их туда вообще не пускают из-за крапивы.

Но Катя, очевидно, продолжила обличительное выступление, потому что г-жа Зайцева брезгливо предложила:

– Ладно, хватит на эту тему. Скажи лучше, как там твой диализ? Сегодня поедешь? Бедняжечка, поскорей бы уже операция, правда? Я буду тебя навещать в больничке. А завтра ты что? Понятно. Давай тогда у метро пересечемся – ты вернешь мне моего Стогова, а я тебе Пелевина и брошки, договорились? Только ты извини уж, пожалуйста, я там на него нечаянно кофею немножко пролила. Совсем капельку. Ну вот и славно, я так и знала, что ты не расстроишься! Я тебе еще позвоню и скажу, во сколько. Ну и ладненько, пока!

Леночка положила трубку, и прислушиваться стало совершенно не к чему. К счастью, Зайцева не давала конторе заскучать. Она снова схватилась за телефон.

– Андрей, привет! – замурлыкала она в трубку. – Это Лена Зайцева, помнишь такую? Ну да, та самая. Слушай, мне срочно надо тебя увидеть. Обязательно. Да. Сегодня. Давай вечером в парке! Ну в том, где мы после выпускного гуляли, помнишь? Вот-вот. Буду ждать тебя в восемь, окей? Как не сможешь? Ну давай в десять. Договорились.

Судя по всему, исходом беседы Зайцева осталась довольна. Она мечтательно потянулась и завозила мышкой по коврику, глядя в монитор отсутствующим взглядом. Снова воцарилась тишина.

Люся удивилась, что никто в конторе не обсуждает воскресные события, как будто бы к ним они не имеют ни малейшего отношения.

Время от времени Надежда Петровна и Галина Сергеевна отправлялись в курилку. Возвращаясь из туалета, Люся заметила, что там-то, в курилке, дамы и щебечут на животрепещущую тему, закатав рукава. Хорошо, что Люся не курила – у нее была отличная «отмазка» не ходить на эти коллективные сеансы стриптиза. Стриптиза! Эта мысль как будто током пронзила Люсю. Действительно, люди скрывали свои правые запястья так же, как раньше они прикрывали интимные части тела. Забавно.

Конечно, совсем уж избежать неприятных моментов не удалось. К Люсе с заговорщицким видом подкралась Галина Сергеевна – щедрейшей души человек (всегда покупала на собственные деньги заварку на всех) и ценнейший специалист в области туризма (у нее был особый и редкий талант продавать к любой путевке полный пакет экскурсий). С Галиной г-жа Можаяева больше всего сдружилась на новой работе. Люся называла ее по имени-отчеству, хотя Галина была всего лишь на десять лет старше ее. Но из-за наличия у Сергеевны мужа и 7-летней дочурки, Люся никак не могла почувствовать себя принадлежащей к одному с Галиной поколению. Впрочем, это нисколько не мешало им весьма тесно общаться. Даже наоборот, иногда Люсе было легче поплакаться на жизнь Галине, чем близким подругам, – она умела слушать внимательно и не давать дурацких советов. Присев на стул для посетителей, стоявший в торце Люсиного стола, Галя полушепотом спросила:

– Ну как у тебя, Люсь?

– Да... как у всех, наверное, – неопределенно ответила г-жа Можаяева. – А вы как?

– А у меня вот что! – Галина Сергеевна закатала рукав зеленого платья и обнажила небольшой узор, размером со спичечный коробок. Четкие розовые линии, похожие на те, что

имеются у каждого на ладонях, образовывали на запястье Галины Сергеевны некое подобие криво сколоченного заборчика.

– Галина Сергеевна, а вам-то зачем было руку поднимать, вы ведь вроде и так со своим Михаилом вполне счастливо жили? – спросила Люся, чтобы поддержать беседу.

– Ну а вдруг оказалось бы, что он не моя судьба? Как же отказаться от такого шанса проверить себя, Люсенька? – изумленно прошептала Галина Сергеевна. – Вдруг выяснилось бы, что я живу совершенно не с тем человеком, который мне предназначен небом?

– И что, вы тогда развелись бы с мужем?

– Я думаю, что никакой трагедии не случилось бы. Миша бы меня прекрасно понял – он ведь тоже поднял руку. И знаки наши, представь себе, совпали.

– Не знаю, Галина Сергеевна, не знаю... Мне кажется, будь я влюблена и счастлива, мне бы и в голову не пришло получать знак. Ведь тогда счастье может быть разрушено?

– Ну, я думаю, ТАМ, – и Галина многозначительно посмотрела наверх, – знают, что делают. Ну а у тебя-то что?

– Галина, – перешла Люся на доверительный тон, – только между нами. У меня – ничего. Я не подняла руку. Даже сама не знаю, как так получилось. Мышцы как будто онемели, и рука не поднялась...

У Галины Сергеевны в буквальном смысле слова отвисла челюсть, так что она даже прикрыла рот рукой.

– Люся, как же ты теперь?

– Да уж как-нибудь. Бог не выдаст, свинья не съест, где наша не пропадала, с потерей Москвы не потеряна Россия, и все такое, – игриво затараторила Люся, старательно пытаясь изобразить беспечность. – Галина Сергеевна, давайте мы с вами попозже поговорим.

Больше ничто не нарушало делового ритма. Все с теми же непроницаемыми лицами был съеден доставленный в офис фирмой «Транс-фуд» обед, и менеджеры снова сосредоточенно зашуршали бумагами, застучали по клавишам, заговорили по телефонам и зашелетели рекламными проспектами перед клиентами.

Впрочем, клиентов и звонков сегодня было непристойно мало. Люсе за весь день удалось отправить всего лишь одну парочку в Хургаду, в отель «Жасмин». Они как раз поженились в субботу и теперь были просто невероятно счастливы, отправляясь в свадебное путешествие с одинаковыми обручальными кольцами на безымянных пальцах, с одной фамилией (это ничего, что в загранпаспорте невесты пока еще значилась ее девичья фамилия) и с одинаковыми (!) знаками на запястьях, которые они и не думали скрывать. Голубки непрерывно держались за руки, чмокали друг друга в щечки – в общем, были невероятно довольны собой и жизнью. Люсеньке, как она ни старалась, удалось впарить им всего лишь одну экскурсию – в Луксор. Но и это было неплохо (80 у.е. с человека). У остальных менеджеров дела шли не лучше: еще бы, сентябрь – конец туристического сезона и периода отпусков. К тому же все эти невероятные события, людям сейчас и здесь интересно, им не до заморских красот. Если и дальше так пойдет, дело может закончиться сокращением штатов. С такими вот грустными мыслями Люся раскладывала пасьянс на компьютере и слушала шум машин, доносившийся даже в ее укромный уголок.

В конце концов атмосферы конспирации и деланной отрешенности не выдержал... Митя. Он неожиданно для всех, в том числе, кажется, и для собственной матери, проявил инициативу и самостоятельность.

– Господа! Ну что же мы все шифруемся здесь, как дети! – громко заявил он на весь офис.

– Смотри-ка, какой решительный молодой человек! – с одобрением в голосе проговорил Овсиенко. – Правда, девчонки, чего шифроваться-то? Давайте, закатывайте рукава! – рассмеялся он.

Прозвучало это почему-то, как строка из похабной частушки: «Задирайте, девки, юбки, будет репетиция».

Митя покраснел, но продолжил гнуть свою линию.

– Предлагаю устроить сегодня небольшую вечеринку «открытых рук»! – срывающимся голосом заявил парень. – Мама, вы не против? – Митя почему-то считал нужным обращаться к матери на работе на «вы».

Надежда Петровна оторвала взгляд от бумаг, обвела комнату глазами и улыбнулась:

– Ну если судить по лицам присутствующих, то у тебя, Митя, много сторонников. Я примкну к большинству. Давайте посидим после работы.

Люсенька затруднилась представить, что в этот момент отражалось на ее лице, но к большинству она явно не относилась. О чем она и поспешила заявить. Леночка также категорично сообщила, что у нее сегодня вечером важная встреча и остаться она никак не может, потому что ей еще надо успеть переодеться. С этими словами она начала собираться. Галя, неуверенно поозиравшись по сторонам, тоже выдавила из себя признание в том смысле, что ее, пожалуй, будет сильно не хватать сегодня вечером мужу и сыну. Так что вечеринка не складывалась. Митя заметно огорчился и выскользнул в коридор, прихватив пачку сигарет. Леночка накинула бордовое пончо, натянула на ручки нежные кроличьи перчаточки и, попрощавшись, отправилась вслед за ним. Люся тоже решила не задерживаться. Когда г-жа Можаяева уже стучала каблучками по коридору, она уловила, что на лестничной площадке разговаривают на повышенных тонах. Голоса принадлежали Мите и Леночке. Люся перестала стучать каблучками и аккуратно на цыпочках посеменила в сторону выхода, прислушиваясь к доносившимся звукам.

– Точно другой? Ты абсолютно уверена? На мой совсем не похож? – громоподобно вопрошал Митя.

– Я сказала: ничего общего! У нас с тобой – ничего общего! – с нажимом отвечала Леночка. – Пусти! Мне пора!

– Просто покажи! – уговаривал Митя.

– Дай пройти, – глухо, но грозно отвечала Зайцева. – Моя жизнь тебя совершенно не касается.

– Какой смысл скрывать что-то? Теперь? – не отставал Безбородов.

Люся бесшумно застыла у дверей, ведущих на лестничную площадку, делая вид, что перешнуровывает ботинок, – на случай если здесь появится кто-то еще, а на самом деле старательно прислушиваясь к разговору на лестнице. И тут у г-жи Можаяевой внезапно затрещонил мобильник. Голоса на лестнице стихли. Слышалась только какая-то невразумительная возня. С перекошенной от разочарования мордочкой Люся перетряхнула всю сумку и наконец нащупала мобильник.

– Алло! – весьма резко бросила она в трубку и тут же пожалела.

– Люсенька! Что с тобой? Почему такой голос? – запричитала в трубке Люсина мама. – Мы приехали к тебе в гости, а ты как будто не рада?

– Ну что ты, мам, очень рада, – как можно более весело пробурчала г-жа Можаяева и высунула голову на лестничную клетку. Там уже никого не было, и Люся направилась к выходу.

– Ты скоро будешь дома? – продолжала мамуля. – А то я уже ужин приготовила, и мы не хотим без тебя начинать.

– Постараюсь поскорей. Но вы там не захлебывайтесь слюной, кушайте, вы ж небось голодные с дороги?

– Нет, доченька. Мы уж тебя дождемся. Сама понимаешь, надо бы посидеть по-семейному, поболтать.

– Хорошо. Скоро буду.

Вот это сюрприз! Предки заявили без предупреждения – обычно они звонят дня за два до своего появления в столице! Теперь придется им объяснять, как и почему их единственная дочь оказалась без отметины на руке! Озадаченная вечным вопросом «врать или не врать», Люся толкнула тяжелую уличную дверь и нос к носу столкнулась с раскрасневшимся Митей, который направлялся назад в контору. Правый рукав его рубашки был закатан, и пока он придерживал дверь г-же Можяевой, та сумела во всех подробностях рассмотреть знак на его запястье. Оказалось – ничего особенного. Так, «птичка» или «галочка», как еще называют подобные V-образные загогулины.

– До свидания, – пробормотала смущенная Люся и направилась на другую сторону улицы.

Тревожные мысли о предстоящем объяснении с родителями отвлекали Люсю от дороги, так что пару раз она лишь в последний момент обращала внимание на запрещающие сигналы светофоров и бешено тормозила, рискуя алым задиком своей «девятки». Впрочем, что-то подсказывало ей, что если папа с мамой вначале и расшумятся чрезвычайно, забеспокоятся, то потом все равно смиренно вздохнут: «Что ни делается, все к лучшему». Они всегда так говорят, что бы ни случилось. И еще Люся была практически уверена, что у ее-то мамульки и папульки знаки на руках похожи, как типографские оттиски.

Так оно все и оказалось.

* * *

Вторник снова выдался прохладным. Начало осени не обещало ничего хорошего впереди. Казалось, что зима нагрянет уже чуть ли не завтра, нетерпеливая и стремительная, как Саманта Джонс из «Секса в большом городе». Заявится беспардонно и даже не даст деревьям до конца раздеться.

Мать состряпала высококалорийный завтрак и теперь настойчиво потчевала им Люсю.

– Деточка, скушай яичко всмятку и котлетку с картошечкой. Очень вкусно.

– Яйцо так и быть, – милостиво согласилась Люся, – а про котлету и картошку давай не будем даже разговаривать. Я после такого завтрака усну прямо на рабочем месте.

– Люсенька, ты что, фигуру испортить боишься? Да у тебя же и так одни кости и кожа!

– Ма! А месяц назад, когда я у вас гостила, ты говорила, что меня разнесло как на дрожжах! Где правда?

– Да ты здесь вся исхудала, ребенок мой бедный.

– Ага. А весы показывают столько же, сколько и месяц назад!

– Все равно завтракать надо плотно. Поговорку знаешь: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу».

– Мам, но у меня нет врагов, поэтому и от ужина отвертеться никаких шансов, – хитро сощурившись, измывалась г-жа Можяева над родительницей.

– Если ты сейчас по-человечески не позавтракаешь, – грозно предупредила мать, – то у тебя будет, кому отдать ужин! Да, и еще: если ты не дашь мне на сегодня свою машину, чтобы я спокойно могла съездить в «Мегу», пока отец будет расслабляться в «Твоем доме», то уже я смогу отдать тебе свой ужин. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду?

По тону матери было понятно, что она шутит и что при желании Люсеньке удастся отбить машину от ее посягательств. Но разве можно отказать в чем-то маме, особенно когда она умеет так чудно готовить и обижаться, как Люсины матушка? Г-же Можяевой оставалось только обреченно кивнуть. А также съесть все, что мать положила на тарелку, и утешить себя мыслью, что уж обедать-то ее, Люсю, никто не сможет заставить.

В метро Люся купила газету. Вообще-то она уже примерно год не читает газет – с тех самых пор, как села за руль. Но в те редкие дни, когда г-жа Можяева спускается под

землю, она по старой привычке покупает что-нибудь из периодики. На этот раз ей приглянулась обложка «Экспресс-газеты». Огромный заголовок кричал о том, что ее любимый актер Федор Бондарчук завел любовницу-китайку. «Об этом нашему спецкору рассказал 12-летний сын популярного актера», – уверяла газета. «Давно пора», – подумала Люся, в глубине души пожалев, что Феде ни разу не пришлось в голову отправиться к турецкому берегу через их агентство. «Конечно, он небось отдыхает где-нибудь на Лазурном побережье или на Костадель-Соль, а может даже на Ибице», – обиделась про себя Люсенька. И подумала о том, что хорошо было бы перейти на работу в «Инна-тур» и отправлять людей во Францию. Вот там-то можно встретить настоящего галантного кавалера! А в Турцию едут всякие Соловьевы, мечтающие только о том, как бы повкуснее поесть и почернее загореть, ничего не смыслящие в искусстве, философии свободы и не способные к истинной страсти.

Но перемена в судьбе милого Феде взволновала Люсеньку меньше, чем другой анонс с обложки «Экспресс-газеты». Маленькая запрятанная в самом низу надпись гласила: «В Москве открылся тайный клуб для тех, кому на небе не выдали "любовной метки"».

Люся с трудом впихнулась в вагон и поняла, что почитать в метро ей сегодня не удастся. Ну конечно же! Когда она работала переводчиком, то ездила во «Взаимопонимание» лишь изредка, да и то в районе полудня. В это время на станции «Перово» иногда даже удавалось сесть, а сегодня она ехала с самого ранья – к 9.30. Народ немилосердно напирал, прижимая бедную Люсю к какому-то неприятного вида дядьке и чьей-то тележке с колесиками. Г-жа Можаяева уже прокляла тот день, когда она купила изящные ботиночки на шпильке. Она чувствовала себя настоящей неваляшкой, с трудом сохраняя вертикальное положение под мощным давлением желающих уехать.

– Осторожно, двери закрываются. Поезд отправляется, – пробормотал машинист по громкой связи и эмоционально продолжил: – Да не держите же двери, гады, ехать надо!

Публика потеснилась подальше от дверей, Люсю кто-то пихнул в бок, и она плюхнулась прямо на клетчатую сумку на колесиках. Она попыталась было встать, но тут же обнаружила, что место, где только что стояли ее ботиночки, уже занято какими-то другими ногами. «Ну и чудненько. Может, и удастся газетку почитать», – подумала Люся, пытаясь поудобнее устроиться на тележке, которая, судя по ощущениям попы, перевозила нечто жесткое и угловатое.

Г-жа Можаяева уже достала желтые листки из сумочки, но тут почувствовала, что по ее голове ползет что-то шершавое, цепляясь за волосы. И тут же ощутила свое ухо в чужих, цепких и колючих пальцах.

– Ну что, курва, расселась? – заголосил над нею противный звонкий голос, как будто созданный для исполнения песни «Ой, мороз-мороз» перед большой аудиторией. – Тоже мне, принцесса на бутылке! Постоять, что ли, тяжело? Все стоят, и я, пенсионерка, стою, а она, видишь ли, задницу на ногах уже носить не может! Отожрала картофельник-то! Все бутылки мне небось побила, шалава!

Народ вокруг принялся ржать, а бедная Люся чуть не провалилась под пол от стыда.

– Я не нарочно, меня толкнули! – принялась было объяснять она, но ее голос тонул в общем гаме и заглушался гневным монологом владелицы хрупкой тележки.

Г-жа Можаяева хотела повернуть голову в сторону голосистой бабульки, но та крепко держала ее за ухо и не давала возможности дернуться.

– Отпустите же меня, – Люся схватила руку, вцепившуюся в ее орган слуха, и сильно вдавила в нее свои острые ноготки. Ухо, горящее, как после сауны, освободилось, и тут же на него обрушилось новое испытание криком.

– Вы посмотрите, люди добрые! Эта мерзавка еще и царапается! Ну, бегемот в колготах, ты у меня еще поплачешь!

И тут Люся действительно заплакала. Нижняя челюсть предательски затряслась, так что зубы застучали, и по щекам, размазывая дорогой тональный крем, заструились горячие ручьи. Люся притянула коленки к голове, и уткнулась в них лицом, дабы всякие зеваки не рассматривали ее заплаканное лицо.

– Станция «Шоссе энтузиастов», – ровным голосом объявил диктор.

Все вокруг зашевелилось, Люся выглянула из своего убежища и обнаружила, что ее также вымывает из вагона на перрон. Здесь поезд почему-то никто не штурмовал, и состав быстренько скрылся в тоннеле.

– Ну, ты чего реवेशь-то, дура? – услышала г-жа Можаяева над собою старческий голос, и кто-то погладил ее по голове. – Из-за бутылок, что ли? Да ладно, я новых насобираю, кончай сырость разводить!

Но Люся продолжала всхлипывать.

– Ну чего ты плачешь? Кто тебя обидел? – уже ласковой спросила старуха.

Г-жа Можаяева даже икнула от абсурдности этого вопроса.

– Так вы же сами и обидели, – с трудом выдавила она из себя, пытаясь сделать как можно более безучастное лицо.

– Я? Да чем же я тебя обидела? – всплеснула руками старушка, весьма умело изображая недоумение. Теперь Люся смогла ее рассмотреть: старуха была седа, чернява, носила на лице ярко-карие глаза, а на заднице широкую темную юбку до пят и сохраняла редкую для своего возраста прямую осанку.

– Но ведь вы же меня обзывали курвой, шалавой и бегемотом в юбке!

– Бегемотом в колготках! – поправила старушеница. – Ну и что? И из-за чего же тут расстраиваться?

– А по-вашему, я должна была это СПОКОЙНО выслушать? – возмутилась Люсенька, переходя со слезливого настроения в боевую готовность. От возмущения она даже встала наконец-то на ноги.

– Конечно, спокойно. Вот если ты идешь мимо забора, на котором «жопа» написано, ты же не начинаешь рыдать?

– Не начинаю, – согласилась г-жа Можаяева.

– А ведь вполне возможно, что писавший имел в виду и тебя, когда писал это слово! – торжественно сказала старуха, как будто только что сделала гениальное открытие.

Люся только повела плечиком – она не очень-то желала углубляться в эту тему.

– Да ничего он не имел в виду! Это просто результат сочетания фрустрации или аффекта с общим недостатком культуры, – с видом эксперта промолвила г-жа Можаяева, тут же засомневавшись в способности аудитории понять столь сложную мысль.

– Говоришь как большая, а плачешь как маленькая! – радостно заключила старуха, как будто бы и правда восприняла мэссэдж г-жи Можаяевой.

– Скажите, сколько у вас в тележке бутылок?

– Да сорок штук будет. По полтора рубля за штучку на «Авиамоторной» принимают.

– Итого на 90 рублей? – сильно напрягшись, подсчитала Люся.

– Вообще-то на 60. Но тебе, так и быть, скидку сделаю – за полтинник отдам! У тебя есть во что переложить? – спросила старуха и принялась расшнуровывать тележку.

– Да вы что, с ума сошли? Зачем они мне! Просто я хотела компенсировать ваши потери, ведь я наверняка побила половину.

– Да они крепкие! Целы, должно быть, все! Сейчас открою, посмотрим. Роза Васильевна лишнего не возьмет!

– Не надо! Я опаздываю, – затараторила Люся, роясь в кошельке в поиске 60 рублей, но там болтались лишь три десятки и три сотенных. – У вас будет сдача со ста рублей?

– Будет! – радостно сообщила старушка и, порывшись где-то в своей необъятной юбке, извлекла на свет полтинник.

Люся достала из кошелька червонец и протянула его старушенции.

– Нет-нет, мне лишнего не надо! Этого вполне достаточно, – вяло запротестовала бабулька, помахивая перед Люсиным носом зажатой меж пальцев сторублевкой. – Вполне достаточно... Вполне... У меня бы пару бутылок все равно не приняли – они с отколотыми горлышками были. Но девушка ты, я вижу, хорошая. Ради тебя, так и быть, тряхну стариной и всю правду тебе скажу!

– Бабуся, времени уже 9.00! Меня с работы выгонят за опоздание!

– Не выгонят, молодка, не беспокойся. Вижу, что счастливая будешь, дай денежку какую-нибудь, бесплатно говорить нельзя – самой мне горе будет. Ты деньгу мне дай, как будто платишь, а я тебе ее потом верну, так чтоб Они не увидели! – зашептала низким голосом бабуся, без пауз сплетая слова, как будто бусы из них собирала.

– Кто не увидел? – тяжело вздохнула Люся. – Я не нуждаюсь в гадании, и, по-моему, хватит с вас того, что вы уже получили! – но рука ее сама потянулась к кошельку и достала оттуда десятку.

– Эта деньга грязная, много рук ее держало, правда не чистая будет. Дай деньгу, которая поновее! Да дай, я сама выберу! – старуха без колебаний залезла в Люсин кошелек и выудила оттуда, конечно же, сотню.

Люся поняла, что ее разводят как последнюю дурочку, и хотела было закричать, но сил на крик совершенно не было.

– Бабушка, отдайте сотню, а то милицию позову! – тихо предупредила она, чувствуя, как слабеют ноги.

– Успокойся, мне твоя сотня ни к чему. Дело тебе хорошее сделать хочу. Вернутся к тебе твои деньги, сама удивишься, как вернутся, – с этими словами старуха сделала какой-то пасс рукой и купюра буквально исчезла не то в воздухе, не то в ее рукаве.

– Отпустите меня! – взмолилась Люся и, собрав остатки сил, которые почему-то стремительно покидали ее, постаралась поближе прижать к себе сумочку с оставшимися деньгами, документами и мобильником.

Старуху она уже слышала как сквозь сон. Та неразборчиво шипела над ней что-то про то, что дубы растут среди дубов, что снаряд два раза в одну воронку не падает, а невод еще как падает, иногда и по три раза, и лишь на третий приходит с уловом, что устами младенца глаголет истина. Шаманка лепетала еще какой-то незапоминающийся бред из прописных истин и афоризмов. Из конкретных сведений Люся поняла только то, что замуж она все-таки выйдет и даже сумеет обзавестись парочкой детей.

Где-то в глубине души Люся велела себе тут же убираться отсюда, но, вместо того чтобы решительно зашагать прочь, она обмякла и села прямо на перрон, тупо уставившись в спину удалявшейся старушенции, которая толкала перед собою тележку. Как ни странно, часы показывали всего лишь 9.05. Люся вытащила из сумочки духи – маленький пузырек «212» – и сунула его себе прямо под нос. От сильного запаха она слегка пришла в себя, с трудом поднялась и дождалась следующего поезда.

Беспрерывно поглядывая на часы, Люся почти бежала вниз по Яузской от метро «Таганская», впрочем, уже не сомневаясь, что успеет вовремя. Вот показался дом в строительных лесах, затянутый зеленой сеткой, значит, следующий за ним – тот, что ей нужен. Ровно в 9.30 Люся проскочила мимо охраны и поднялась на второй этаж старинного дома, где «Попутный ветер» арендовал офис. В комнате уже хозяйничала Надежда Петровна. Вслед за Люсей в помещение влетела Галина.

Рабочий день начали с чайно-кофейной церемонии.

– А все-таки это удивительно, что счастье оказалось так близко, правда? – утвердительно спросила Галина Сергеевна. – И мой собственный муж оказался моей идеальной парой. И друг твоей Наташки тоже оказался мужчиной ее жизни. У меня все знакомые супружеские пары получили совершенно одинаковые знаки. Представляете?

Мужики, как всегда, опаздывали. Задерживалась почему-то и Леночка.

– Да уж, – продолжила беседу Люся. – Это даже странно, что идеальные с точки зрения неба пары не разбросаны во времени и пространстве, а живут под боком друг у дружки. Я вот раньше думала: как, мол, хорошо, что каждому человеку не предназначен судьбой кто-то один-единственный. А то, мол, как бы люди вообще женились? Ведь попробуй найди того-самого единственного, который твоя вторая половинка! Вдруг он вообще на другом континенте? А оказалось, что за счастьем далеко ходить не надо – вот оно, под боком. Наверху уже все предусмотрели и поселили парочки рядом. Удивительно!

– И ничего удивительного в этом нет! – уверенно ответила Галина Сергеевна. – Все-таки там, наверху, тоже не идиоты сидят.

– Да... Выходит, что и мой будущий парень где-то совсем рядом бродит? – предположила Люся. – Возможно, мы даже знакомы и я просто не знаю, что он – это Он?

– Да уж, должно быть, это такой шикарный парень, что ты его даже не замечаешь! – хихикнула Безбородова.

Люся не подала виду, что обиделась на бестактность, а просто с шумом встала и отправилась допивать кофе в своем углу.

– Что-то народ совсем не торопится на работу, – со скрытой угрозой промолвила г-жа Безбородова, наконец-то заметившая нехватку личного состава.

Появился Овсиенко, как всегда со «Спорт-экспрессом» в руках, и принялся нудно изображать в лицах какой-то вчерашний футбольный матч. Он упорно делал вид, что не замечает всеобщего неприятия этой мало увлекательной темы, и продолжал пинать воздух до тех пор, пока Надежда Петровна не пресекла решительно его пыл:

– Если бы вы, Владимир Викторович, так внимательны к работе были, как к телевизору, цены бы вам не было.

Овсиенко притих, затолкал себя в кресло и сосредоточенно принялся раскладывать пасьянсы. Потому как клиенты, как и вчера, не ломались жадною толпой в двери «Попутного ветра».

Наконец, ближе к обеду, в офисе появился Митя. Видок у него был весьма и весьма помятый. Надежда Петровна злобно на него посматривала – очевидно, еще утром они затеяли шикарную ссору to be continued. Как бы подтверждая Люсины догадки, Безбородова подкатилась к сыночку и прошипела:

– После работы – сразу домой! Понял?

– Мама, хватит, – осторожно одернул ее покрасневший Митя.

– Это тебе хватит! Еще только попахни мне этим виски, уши-то пообрываю! Еще только заявись мне в час ночи домой! – и не думала успокаиваться Надежда Петровна.

Шипела она столь грозно, что даже Люся сочла за благо затаиться и не отвечать. Безбородова ходила мрачнее тучи и время от времени тревожно выглядывала в коридор в смутной надежде обнаружить за дверью какого-нибудь застенчивого клиента. Надо ли говорить, что там никого не было. К тому же в офисе все еще не было Леночки. Надежда Петровна уже несколько раз принималась звонить ей домой и на мобильник, но никто ей не отвечал. Когда же вечером ей наконец удалось дозвониться до родителей Зайцевой, она тут же забыла все несчастья сегодняшнего дня перед лицом вновь открывшихся ужасных обстоятельств.

* * *

Леночку хоронили в пятницу на Домодедовском кладбище. Весь «Попутный ветер» с утра пораньше топтался у метро «Домодедовская», ожидая автобуса фирмы «Ритуал», который доставит друзей и знакомых погибшей к месту погребения.

Люсю не покидало ощущение нереальности всего происходящего. Как будто все это случилось не с Леночкой и вообще понарошку. Наконец автобус подъехал. Люся удивилась, как много людей набилось в салон. В основном это были молодые парни и девушки. С некоторыми из них Леночка, наверное, училась в школе, а с другими познакомилась на бухгалтерских курсах, с третьими, возможно, слушала лекции в институте. Глаза у многих девчонок, да и парней были на мокром месте. Люсе показалось неудобным рассматривать людей в такой ситуации, и она устала в окно.

Г-жа Можяева в глубине души немного злилась и удивлялась себе: ну как же так, все вокруг плачут и скорбят, только она одна как сухарь! И ведь нельзя сказать, что ей не нравилась Леночка. Даже наоборот, она была ей очень симпатична. И если бы Лена сегодня выходила замуж, то Люсенька совершенно искренне радовалась бы за нее, возможно даже прослезилась бы от счастья. Или если бы Ленке попросту требовалась какая-то невероятно сложная и дорогая операция – Люся бы в лепешку разбилась, но постаралась помочь девушке.

Но, к сожалению, Лена не выходила замуж, и ей не требовалась операция. Ей вообще больше ничего не требовалось – сегодня были ее похороны, и г-жа Можяева чувствовала себя крайне неуместной на этом траурном мероприятии, к тому же ей никак не удавалось проникнуться трагичностью момента. Она не находила в себе ни безумной тоски, ни отчаяния, ни ведра невыплаканных слез. Чужая смерть не пугала и не поражала ее. Она бы, наверное, побоялась признаться в этом даже Наташке и маме, но смерть она воспринимала как весьма естественный процесс. Ну вроде как за летом приходит осень, а за осенью зима. И такой смене реальности даже можно радоваться. Так и за жизнью естественным образом приходит смерть. Наверняка за смертью еще что-то следует, чего нам отсюда не видно. Чего уж тут такого невероятного и грустного?

«А может, Соловьев был прав, обзывая меня сухарем? Возможно, у меня просто ампутирована или недоразвита та часть мозга, которая отвечает за эмоцию сострадания, – подумала Люся, разглядывая мелькавшие за окном зеленые деревья с редкими желтыми подпалинами. – Наверное, из таких, как я, и вырастают все эти ужасные киллеры, палачи и диктаторы».

И тут вдруг Люся почувствовала, что сейчас зарыдает. Но не от мысли о том, как, в сущности, нелепо и рано оборвалась Леночкина жизнь, а от жалости к себе, любимой. Еще бы – такая молодая, хорошенькая и такая неполноценная: целый участок мозга не функционирует как положено! И еще от ощущения громадной пропасти, отделяющей ее от других, нормальных людей, способных искренне горевать друг о друге, связанных друг с другом какими-то невидимыми, пусть и очень болезненными, но настоящими нитями. Только она, Люся, как будто недочеловек... Да еще и без печати на запястье. Теперь ей вообще пора строить скит и селиться в нем отшельницей.

На кладбище все сгрудились возле вырытой ямы. Розовый гроб стоял на краю на табуретках, с которых свисали длинные полотенца. Мать покойной рыдала, хмурый отец время от времени забирал у нее насквозь промокший носовой платок и вручал взамен свежий.

Откуда-то на кладбище даже появилась бывшая классная руководительница Леночки. Скорбно втягивая в себя воздух, она как будто глотала его, при этом ее широко раскрытые глаза смотрели куда-то сильно вверх. Учительница рассказала о том, какой Лена была хоро-

шей девочкой и как ей все удавалось. Надежда Петровна тоже взяла слово и что-то долго и громко говорила.

Люся в первый раз была на похоронах (раньше ей ловко удавалось избегать проводов в последний путь) и потому толком не знала, как себя вести. Она предпочла затеряться в дальних от гроба рядах. Стоя на отшибе, Люся разглядывала присутствовавших. Молодежь сбилась стайками. Вот четверо девчонок поддерживают друг дружку под локоток. Еще одна девчачья стайка переглядывается между собой. Группа парней сосредоточенно ковыряет землю носками ботинок и о чем-то полушепотом переговаривается. Вот еще одна такая же группа парней, только эти сосредоточенно смотрят вперед, засунув руки в карманы и почти прижимаясь плечом к плечу.

«Интересно, среди них есть "вторая половина" Леночки? И что он теперь будет делать?» – заинтересовалась Люся. Она решила спросить об этом у девчонок в автобусе на обратном пути.

Гроб опустили в яму, и мужчины с лопатами принялись засыпать его землей. Люся решила не дожидаться окончания церемонии и отправилась в автобус. Вскоре там появилась группа девушек.

– Извините, – начала Люся, – вы с Леной учились вместе в школе?

– Да, – подтвердили те. – Надо же, какое несчастье! Буквально в эти выходные мы с ней встречались, в боулинг ходили, и тут вдруг такое. Она еще так надеялась с Андрюхой встретиться, но он почему-то не пришел. Ленка откуда-то узнала, что у них знаки совпадают, и весь вечер его ждала! Все вроде налаживалось, перед ней такие перспективы открывались – и вдруг на тебе!

– А как она рада была, когда оказалось, что они с Дюшей – пара!

– Ну! А она еще вначале идти не хотела в воскресенье – свинка у нее, видите ли, умерла! Но потом все-таки пришла.

– Мы ее уговорили, ведь мы же знали, как ей на самом деле хочется на Андрюшку хотя бы глазком посмотреть. Она по нему, по-моему, весь 11-й класс сохла.

– А Андрей был сегодня? – спросила Люся.

– Конечно! – загалдели девчонки. – Он хоть на кладбище и не плакал – видно, держался из последних сил, – но глаза как убитые. Вы еще увидите его на поминках.

– И что же он теперь будет делать, ведь у него же знак?

– Наверное, будет хранить память о Леночке, – повела плечами одна из девушек. – А что ему еще остается?

– Да уж, незавидная судьба, – вздохнула Люся. – А он на каком месте сидит в автобусе? – поинтересовалась г-жа Можаяева, желая рассмотреть Леночкину судьбу.

– Он на своей машине, он же крутой у нас и притом совершенно не пьет! – не без зависти протянули девчонки.

Люся снова уставилась в окно и промолчала до самой квартиры с накрытыми столами. Оказалось, что Леночка жила с родителями в весьма приличной «двушке» в районе «Новослободской», заставленной мебелью советских времен. Люсенька даже удивилась немного, ей казалось, что в такой близости от Садового кольца живут только очень сановные и богатые москвичи. Леночкины же родители производили впечатление людей весьма скромного достатка.

Г-жа Можаяева выпила вместе со всеми стопку водки, не чокаясь. А потом присутствующие ударились в воспоминания. Мать уже перестала рыдать, а сосредоточенно пересказывала всю жизнь Леночки, кажется, даже по дням. Люся нагнулась к одноклассницам погибшей и попросила:

– Покажите Андрея!

Девчонки поозирались вокруг и удивленно пожали плечами:

– А его здесь нет! Должно быть, уехал домой. Может, его никто не предупредил, что еще поминки будут?

Люся состроила гримаску сожаления и принялась наполнять тарелку традиционным, на все случаи жизни салатом «оливье».

– Я этого так не оставлю, я заявление напишу, так надругаться над моим ребенком! – донесся тут до Люси с другого конца стола голос матери Лены. – Вот ведь нелюди какие! Смерть мозга, видите ли, они констатировали... Но ведь сердце-то, сердечко-то у моей девочки еще билось! Как они могли? Даже у матери родной согласия не спросили, она, говорят, совершеннолетняя!

Г-жа Можаяева прислушалась и поняла, что речь идет о том, что в больнице у умирающей Лены изъяли какие-то органы для трансплантации. У Люси даже мурашки побежали по коже от этого сообщения. Но еще больше ее поразило другое: врачи уверяли родителей, что имели полное право изъять органы, потому что Леночка не оставила никакой записки, запрещающей это и говорящей о том, что она категорически не хочет стать донором сердца, почек, печени и тому подобного биологического материала. Оказывается, по закону у нас действует так называемая «презумпция согласия». Подразумевается, что тот, кто категорически против отдавать свои органы, об этом напишет записку и вложит в паспорт. А остальные, не написавшие, – согласны. И советоваться с родственниками умершего никто не будет – времени слишком мало, чтобы тратить его на раздумья.

Шокированная Люся машинально жевала салат и раздумывала о том, когда ей написать запретительную записку – прямо сейчас, отлучившись в туалет, или попозже, когда доберется до дома? А то ведь случаи разные бывают. Ленка небось тоже не ожидала, что ей какие-то хулиганы возле собственного подъезда проломают череп.

Чья-то рука дотянулась до Люсиной стопки и налила туда еще водки. Люся опять же машинально опрокинула ее и решила, что все-таки она напишет обращение к врачам-трансплантологам завтра. Вообще, все случившееся Люсе казалось ужасно странным и нереальным.

«Возможно, здесь даже скрывается убийство, – подумала г-жа Можаяева. – Возможно, Ленку даже нарочно стукнули по голове, чтобы потом использовать как донора, а вовсе не для того, чтобы забрать кошелек и мобильник. Может быть, кому-то срочно требовалась операция, и он как-нибудь случайно узнал, что Ленуська подходит на роль донора, по группе крови, возрасту или каким-то другим параметрам? Вот вам и "несчастный случай", и "ограбление"! Вот именно: родители говорят, что, когда врачи приехали, раны от ударов бутылкой виски и ботинками были совсем свежими, даже кровь еще не запеклась. Интересно, кто это в третьем часу ночи случайно так прогуливался и обнаружил Ленку? Какая-то подозрительная оперативность! Я бы этого информатора на месте следователей вдоль и поперек изучила! Наверняка ведь стремились, чтобы человек еще живым сразу после избиения в лапы трансплантологов попал! Впрочем, как бы то ни было, теперь уже ничего не докажешь и Лену не оживишь. Да даже если бы и были какие-то варианты проверить эту версию, не женское это дело. И уж тем более не мое. Пусть вон отец Ленкин или парень ее ломают себе головы. В конце концов, если я начну выпендриваться, как книжная героиня из детектива, то и мне случайно "гриндерсом" по голове около подъезда могут захватить».

Тут Люся краем глаза заметила, что Митя решительно встал из-за стола, отправился в коридор и стал одеваться. «Надо бы попрощаться, – решила г-жа Можаяева, – пожалеть мальчика, в конце концов, он к Леночке очень хорошо относился. Может быть, он даже был влюблен в нее».

Выбираться из-за стола пришлось долго. Люся многократно извинялась за беспокойство перед теми, кому пришлось вставать, чтобы выпустить ее на свободу. Так что Митя уже

успел закрыть за собой дверь, когда Люся очутилась в коридоре. Она выскочила вслед за ним и, к счастью, застала Безбородова на лестничной площадке. Он держал в зубах сигарету.

– Много куришь! – сурово отчитала его г-жа Можаяева.

– Закуришь тут, – совершенно спокойно ответил Митя. Он как будто повзрослел на глазах.

– Не переживай ты так, Мить! В конце концов, у каждого своя судьба, каждому свой срок отмерен.

– Да при чем тут судьба? Я думаю, что Лену не хулиганы убили.

– Знаешь, мне тоже такая мысль приходила в голову, но, если честно, думаю, милиция не слишком-то будет напрягаться, чтобы найти убийц, – предположила Люся.

– Еще эти органы... Странно как-то все... Очень удобно списать на уличных хулиганов! Только какие-то странные хулиганы – надо же так бить, чтобы, считай, все внутренние органы целы остались! У Ленки же сердце до последнего работало, врачи со скорой у нее пульс обнаружили, – совершенно уверенно заявил Митя.

– Господи, но кто же мог знать, какая у нее группа крови, какое здоровье и все такое? Ты думаешь, кто-то прочитал медицинскую карту Зайцевой, а потом устроил на нее охоту?

– Тоже вариант. Возможен и другой – трансплантологам просто были нужны органы. Хоть какие-то! Благо, желающих заполучить их всегда навалом, – Митя порылся в кармане, вытащил из него зажигалку.

– И что ты собираешься делать? – с плохо скрываемым скептицизмом поинтересовалась Люся. – По-моему, даже если ты прав и Лену убили из-за органов, это абсолютно недоказуемо.

– Поживем – увидим, – загадочно обронил Безбородов, наконец-то поднеся пламя зажигалки к замусоленной сигарете.

Рукав его курточки съехал, и Люся в изумлении уставилась на Митькину руку.

– Куда он делся? Ты что с рукой сделал? – громко зашептала она.

– Кто делся? Ничего я не делал! – буркнул Митька и тоже уставился на свое правое запястье. – О господи! Он исчез! Знак исчез! – Безбородов начал тереть свою руку, как будто надеясь, что от этого знак снова проявится. Но он не проявлялся.

– Неужели вся эта история с таинственными символами закончилась? – не веря себе, предположила Люсенька.

Но тут на площадку высыпали покурить Ленкины одноклассники. Многие из них уже разбились на парочки и нарочито закатывали рукава, чтобы показать, что у них-то с «этим делом» все в порядке. И у них с «этим делом» по-прежнему было все в порядке. Знаки остались на своих местах.

Люся и Митя с недоумением переглянулись. Разговаривать дальше при малознакомых людях не хотелось. Поэтому г-н Безбородов сосредоточенно курил с ошарашенным выражением лица, а Люся жалась к стенке и как можно более мило улыбалась девочкам. Девочки были весьма пьяны. Казалось даже, что для них поминки стали уже превращаться в заурядную вечеринку.

– Интересно, а почему этой «гениальной» Кати нет? – спросила одна из вышедших, обращаясь ко всем и прикуривая тоненькую сигаретку «Вог».

– А, это которая большая что ли? С которой Ленка на выставке познакомилась?

– Ну да. Вроде такие подруги были! Зайцева в последнее время с ней, кажется, даже больше, чем с нами общалась. Только и слышно было: «Катя то», «Катя это», «Катин папа», «Катя нарисовала»... И где эта ее любимая Катя?

– Да уж, правду говорят: старый друг лучше новых двух, – подытожила крашенная под баклажан девица и даже, как показалось Люсе, злорадно хихикнула.

Тут из дверей квартиры Зайцевых вышла еще одна девчонка, весьма романтического вида – в длинной юбке в складочку и с прической «а-ля Наташа Ростова».

– Слышь, Несмеяна, – обратилась к ней рыжая, – а Катька-то Ленкина даже к ней на похороны не приехала!

– Она в больнице. У нее опять какие-то проблемы со здоровьем, – холодно ответила «Наташа Ростова». – Это мне мама Лены сказала. Она звонила Кате – номер у дочери в мобильнике нашла, но к телефону подошли ее родители. Ну вот и сказали, что дочка не сможет прийти. Очень извинялись.

– Да она небось все равно бы не пришла! Она ведь даже в воскресенье с Ленкой в «Казус Конус» не пошла, а Зайцева вначале очень хотела привести ее – похвастаться, какая арт-звезда у нее в подружках ходит.

– Ну зачем вы так, – вступилась та, которая с «Вогом». – Может, у Кати просто уже в воскресенье проблемы начались.

Парни, все это время молча кутившие и обменивавшиеся выразительными взглядами, которые, должно быть, означали «ох, уж эти женщины!», наконец заглушили окурки.

– Ну, на посошок? – предложил один из них и открыл дверь в квартиру, куда тут же потянулись все Ленкины одноклассники.

Митя к тому моменту, как показалось Люсе, уже начал зеленеть от курева.

– Бросай ты это дело, Безбородов. Рак, одышка, неприятный запах – оно тебе надо? – пожалела его г-жа Можеева.

– Я придумал, что делать, – как будто не заметив предыдущей фразы г-жи Можеевой, сказал Митя. – Я поеду к больнице и попытаюсь выяснить, кому подарили Ленку по кусочку.

– Да как ты это выяснишь? В Москве, наверное, десяток больниц занимаются пересадкой органов.

– Я знаю метод. Думаю, круг поисков достаточно узок.

– Но... ты знаешь больше, чем я? – не слишком-то ловко попыталась «расколоть» Безбородова г-жа Можеева.

– Расскажу потом как-нибудь. Если захочу, – мрачно ответил Митька, с усилием нажав кнопку вызова лифта. – Не скучай, Можеева! – помахал рукой он и шагнул в подъехавшую кабинку.

– Фи! Не называй меня по фамилии! У меня имя есть, между прочим! – кричала вслед уезжающему Безбородову Люся. Она прислушалась к шуму в подъезде, поняла, что Митя уже спустился, и фыркнула: – Ну если не нравится имя Люся, можно же назвать уважительно – Людмила, ну или Людочка... Хам...

Люсенька вернулась в квартиру Зайцевых. Там матушка покойницы уже рассказывала очередную историю про свою бедную девочку. Кажется, на этот раз речь шла о ее романтических увлечениях. Звучало имя Андрей. Зайцева-старшая пальцем выводила на клеенчатой скатерти «галочку» и дважды с усилием тыкала между рожками V-образной фигуры.

– И две вот такие точки! – повторяла она. – Две!

* * *

В субботу Люська проснулась почти счастливой – последний рабочий день на неделе! На этой кошмарной, под завязку набитой странностями неделе! Да и работать сегодня предстояло всего лишь до трех часов дня! Можно считать, что день почти выходной.

К тому же, выглянув за окно, Люся поняла, что наступило самое настоящее бабье лето. Утро выдалось таким солнечным, что ни о чем плохом думать не хотелось. И Люся так хорошо выспалась! (Еще бы, ведь вчера она приехала с поминок в три часа дня, тут же завалилась в кровать и продрыхла до самого утра.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.